

ПАМЯТНИКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНДРОНИКОВ И. Л.
ВЕЛЯВСКИЙ М. Т.
ИВАНОВ В. Н.
КЕЛДЫШ Ю. В.
ЛЕОНОВ Л. М.
ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ И. В.
ПЛАСТОВ Н. А.
РЕВЯКИН П. П.
РЬБАКОВ Б. А.
СЕМАНОВ С. Н.
ЮГОВ А. К.
ЯНИН В. Л.

Председатель редакционного совета
ПРОКУШЕВ Ю. Л.

ОТЕЧЕСТВА

ВСЕРОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Под 1224 годом галицкий летописец записал: «Приде неслыханая рать: безбожнии моавитяне, рекомыи татарове...» Новгородский летописец пишет о том же: «приидоша языци (народы.— *Д. Л.*) незнаеме, и ихъ же добре никто же ясно вестъ, кто суть и отколе изидоша, и что язык их (что они за народ.— *Д. Л.*), и коего племени суть, и что вера их; и зовут их татары, а инии глаголють таурмене, друзии же печенезе...»

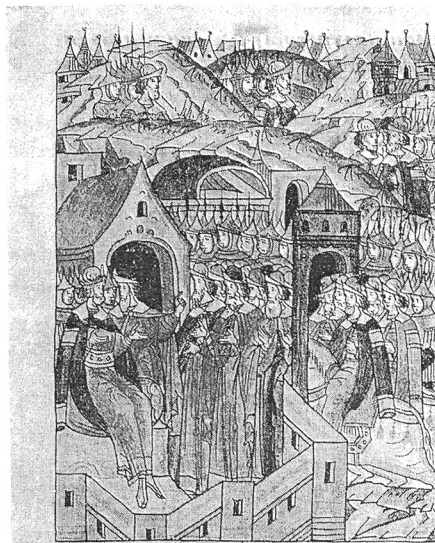
И в самом деле,— те, кого русские летописи и в первые и в последующие века называют «татарами», не были какою-то определенной и единой национальностью. Это было государственное объединение различных кочевых племен, находившихся в стадии кочевого феодализма, объединение крайне агрессивное и подвижное, сплоченное столь же сильной жадой захвата новых земель, как и стремлением к разрушению соседних оседлых культур.

Объединенные орды кочевых племен, которые мы в дальнейшем будем условно называть монголо-татарами, начали проявлять необыкновенную активность еще в начале XIII века. Их появлению в 1223—1224 годах на границах Русской земли предшествовали чрезвычайные военные успехи в Азии.

В 1207 году монголо-татары покорили южную Сибирь, в 1211 году — Китай, затем Туркестан, Афганистан, Персию. Крупнейшие культурные очаги Средней Азии — Самарканд, Бухара, Мерв — лежали в развалинах. В 1221—1223 годах полчища монголо-татар захватили Кавказ и Закавказье и появились на границах Руси, победили русских в битве на Калке, а затем ушли. Однако в 1236 году они переправились через Яик и покорили Волжскую Булгарию и снова пришли на Русь под предводительством Батые. В 1237 году пала старая Рязань, разрушенная до основания после ожесточенного сопротивления, затем пали Владимир, Москва. Монголо-татары рассеялись по русским городам и селам, «посекая людей как траву». Через два года

монголо-татары овладели Киевом, затем вторглись в Галицию и Волынь, опустошили Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию и в 1241 году появились под стенами Вены, всюду сея смерть и разрушение. Необычайные военные успехи монголо-татар вселили ужас в европейские народы.

Монголо-татарское нашествие было воспринято на Руси как космическая катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное. Не случайно знаменитому русскому проповеднику XIII века Серрапиону Владимирскому для выражения своего впечатления от нашествия неведомых народов приходили на память образы землетрясения.

Исподомаша мнѣ ширѣе странѣ
 Москва и великое государство . и приидо
 шлѣша на великое зрѣтии и рѣчь соудити
 и мужествомъ и наградъ соудити
 еи оми . и сѣде до рѣчи еи оми .
 и сѣде все мнѣ и оми . и сѣде
 и сѣде и сѣде и сѣде . и сѣде
 и сѣде и сѣде и сѣде . и сѣде
 и сѣде и сѣде и сѣде . и сѣде
 и сѣде и сѣде и сѣде . и сѣде
 и сѣде и сѣде и сѣде . и сѣде

Катастрофические события второй четверти XIII века действительно могут быть уподоблены землетрясению: многие города были разрушены до основания, лучшие произведения русского зодчества лежали в развалинах, земля была покрыта пеплом сожженных деревень.

Постепенно, однако, Русь возрождается и крепнет. Возникают новые центры экономической и политической жизни.

В начале второй половины XIII века Москва еще была одним из небольших и самых бедных княжеств северо-восточной Руси. Именно поэтому досталась она одному из младших сыновей Александра Невского — Даниилу Алек-

пойдоша президопа . прешешимъ
всѣмъ имѣстьясого
разрушь
ши
мъ

сандровичу, от которого повелся затем род московских князей — «Даниловичей». Но выгодное географическое положение Москвы в центре северо-восточной Руси, хорошо защищенном окраинными русскими княжествами от опустошительных набегов кочевников, удобство речных и сухопутных торговых путей, связывавших Москву с Волгой и северо-западом Руси, привели к быстрому росту ее населения, богатства и влияния. Московские князья выкупали в Орде русский «полон» — «ордынцев», заселяли ими свои земли, скупали уделы, города, села у обедневших князей, умножали свои владения счастливыми «примыслами», строили города и слободы. И народ шел в прочно защищенные и природой и властными князьями владения Москвы.

Почти те же причины — приток пришлого населения, искавшего безопасности в лесной, непроходимой для конницы татар стороне, и выгодные торговые пути — ведут к возвышению Твери.

Тверь и Москва составляют два притягательных центра, вокруг которых совершается начальное объединение русского народа. Но после разгрома Твери монголо-татарами в 1327 году в отместку за убийство ханских послов могущество Твери падает, и Москва одна утверждает свою объединяющую власть на северо-востоке Руси и вскоре, подобно Древнему Риму, передает свое имя всей стране.

Именно здесь, в Москве, зреет мысль об объединении всей Руси. Московские князья принимают титул великих князей «всея Руси». Московские летописцы ведут единственное в своем роде общерусское летописание, следя за событиями всех русских княжеств. В Москву из Владимира переезжает в начале XIV века русский митрополит, и это делает ее церковным центром всех русских земель. В грозные годы иноземного ига единство церковной власти для всей Руси имело большое политическое значение. В общерусской церковной власти митрополита обрисовывался образ грядущего объединения на Руси и ее государственной власти, тем более что интересы церкви требовали устойчивой власти и прекращения усобиц. Не случайно вслед за митрополитом Максимом титул «всея Руси» принимает и его современник, тверской князь Михаил Ярославич, а за ним — соперничавшие с тверскими князья Москвы.

В 1366 году (по другим сведениям, в 1367 г.) началось строительство нового каменного Московского кремля на месте деревянных укреплений Ивана Калиты. Московская летопись так записала об этом событии: «Тое же зимы (1366 г.) князь великий Дмитрий Иванович, погадав (обсудив) с братом своим, с князем Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими, и сдумаша ставити город камен

Москву. Да еже умыслиша, то и сътвориша, тое же зимы повезоша камень к городу»¹.

Каменный кремль Дмитрия Ивановича был значительно больше прежнего, дубового. Он был расширен почти до пределов нынешнего. Как выглядел этот новый кремль, представить себе очень трудно, но ясно одно — стены его были не ниже теперешних, так как до введения огнестрельного оружия высота оборонительных сооружений служила главной защитой для обороняющихся.

Построение каменного Московского кремля тотчас же отразилось на внешней политике великого князя Дмитрия Ивановича, и это было замечено современниками. Не случайно тверской летописец так записал об этом событии под 1367 годом: «Того же лета князь велики Дмитрей Ивановичь заложил град Москву камен, и начаша делати безпрестани. И всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати»². Москва становилась неприступной для врагов. Нашествия на Москву литовского князя Ольгерда и в 1368 и в 1370 годах были безуспешны. Авторитет Москвы возрос чрезвычайно. И не случайно, когда в 1375 году Дмитрий Донской двинулся к Твери, к его полкам примкнуло девятнадцать русских князей.

Идеологическое значение зодчества в полной мере сказалось накануне Куликовской битвы. Готовясь к решительному сопротивлению татарам, Дмитрий строит монастыри и храмы на южных рубежах своего княжества — как бы навстречу врагу. Грандиозные храмы на границах Руси должны были знаменовать уверенность и готовность к сопротивлению русского народа.

Характеризуя строительство накануне Куликовской битвы, Н. Н. Воронин пишет: «В ту пору строительство храмов перешло в ближайший тыл будущей битвы, в города на Оке. В Серпухове был выстроен большой дубовый собор во имя Троицы — символ дружбы и единения и готовности к жертве. Под городом выросли его «сторожи» — монастыри. Под Коломной Сергей основал также два монастыря, а в самом городе московские мастера, снятые для этого дела с начатой постройки Симоновского монастырского собора в Москве, с необычайной быстротой воздвигли новый белокаменный Успенский собор. Великий византиец Феофан Грек в 1392 году написал для нового собора храмовую икону Донской богородицы с замечательным своим драматиз-

¹ Симеоновская летопись. — Полное собрание русских летописей, т. XVIII, Спб., 1913, с. 106.

² Никоновская летопись. — Полное собрание русских летописей, т. XI, Спб., 1897, с. 8.

мом Успением на его обороте. Творение зодчих — храмы, как бы опережая воинов, выходили на передний край грозного фронта, освещая освободительную борьбу, напоминая языком камня, что настало время решительной схватки «за землю Русскую, за веру христианскую» против «безбожных агарян»¹.

¹ Воронин Н. Н. Андрей Рублев и его время (к 600-летию художника). — История СССР, 1960, № 4, с. 55—56. (Подробнее см.: Воронин Н. Н. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. — Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1949, № 12).

Вторая половина XIV — начало XV века характеризуется повышенным интересом к домонгольской культуре Руси, к старому Киеву, к старым Владимиру и Суздалю, к старому Новгороду. К Киеву и киевскому князю Владимиру усиленно обращается в это время былинный эпос. Народная мысль видит в Киеве и его князе Владимире символ независимости, единства и силы Руси¹.

В области политической мысли Москва претендует на все политическое наследие Киева и Владимира-Залесского. В области летописания Тверь, Москва, Нижний и Ростов претендуют на продолжение традиций киевского летописания: в начало их летописей кладется киевская «Повесть временных лет», «татары» (монголо-татары) отождествляются в летописи с половцами, призывы киевской летописи к объединению Руси и борьба со степью воспринимаются как призывы к борьбе с монголо-татарским игом («Повесть об Едигее», 1404 г.). В подражание «Слову о полку Игореве» и как своеобразный ответ на него, создается «Задонщина». Литературными реминисценциями произведений домонгольской поры пользуются авторы и других произведений («Слово» инока Фомы, московские летописи и т. д.). Составляются новые редакции таких крупных домонгольских произведений, как «Киево-Печерский патерик» (Арсениевская редакция, созданная в Твери в 1406 г.), «Еллинский и римский летописец» (редакция 1392 г. второго вида).

Усиление Московского княжества и рост его авторитета среди населения русских земель, общий национальный подъем позволили московскому князю Дмитрию Ивановичу, прозванному после победы на Дону «Донским», перейти от политики покорности Золотой Орде к сопротивлению ей. Этому же способствовали непрерывные распри в самой Орде, где за период с 1360 по 1380 год сменилось четырнадцать ханов.

Одному из золотоордынских ханов — Мамаю — удалось сосредоточить в своих руках всю власть. В 1378 году он организует поход на Русь, но был разбит русскими на реке Воже. Сразу после этого поражения Мамай начинает готовить большой поход на Русь. Он заключает союз с другим сильным врагом Москвы — литовским князем Ягайло и вступает в тайные отношения с рязанским князем Олегом, владения которого находились в пограничной со степью области и который поэтому стремился не разрывать с Ордой.

Москва, готовясь к обороне, собирает войска всех осталь-

¹ См.: Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.—Л., 1945, с. 78—81.

ных русских княжеств. Их, по-видимому, набралось около ста — ста пятидесяти тысяч — столько же, сколько вел на Русь своего войска Мамай, хотя летописи указывают гораздо большие цифры.

Дмитрий повел войска навстречу Мамаю. Битва разыгралась 8 сентября 1380 года на правом берегу Дона при впадении в него речки Непрядвы на так называемом Куликовом поле. Русское войско нарочно расположилось к битве перейдя реку, чтобы некуда было отступать: этим Дмитрий показал свою решимость биться до последнего.

Донская битва на Куликовом поле была одной из самых

Сражение

кровавопролитных в русской истории. С обеих сторон пало огромное количество воинов, и в народе не случайно она получила прозвание «Мамаева побоища». Она велась с таким ожесточением, что в рукопашных схватках воины гибли не только от оружия, но и задохнулись в тесноте. Исход битвы решился выступлением засадного полка под предводительством серпуховского князя Владимира Андреевича. Поле битвы осталось за русскими, войско Мамаю бежало, но победа досталась очень тяжело. Число павших было необычайно велико.

Победа на Куликовом поле еще более подняла значение

Победа над Мамаем

Москвы в глазах всего русского народа. Она имела огромное национальное значение. Именно Москва организовала сопротивление Золотой Орде. Дмитрий Донской собрал под своим командованием все русское войско и защитил не одно только свое Московское княжество, но всю Русь, выступив вперед и встретив золотоордынское войско за рубежами Руси — в «диком поле». Именно здесь, на Куликовом поле, решился вопрос о том, вокруг какого княжества объединяться русскому народу. Ни изменившая Рязань, ни медливший с посылкой своих войск Новгород, ни какой-либо другой центр не получили в глазах всего населения такого общерусского авторитета, как Москва.

Через два года, в 1382 году преемник Мамаю Тохтамыш организовал новый поход на Москву, но взять Москву удалось только «изгоном» — потому, что поход был организован в глубокой тайне и осуществлен с необычайной быстротой. Москва была разграблена, и прежняя зависимость от Орды восстановлена.

В 1395 году на Москву идет походом знаменитый завоеватель всей передней Азии Тамерлан (Темир Аксак — как называют его русские летописи). Московский князь Василий Дмитриевич готовится к отпору и собирает войско. В Москву переносится главная святыня Владимирского княжества — икона Владимирской божьей матери.

Тамерлан не решился напасть на русское войско и от города Ельца повернул обратно. Василий Дмитриевич прекратил снова уплату дани. Тогда хан Золотой Орды Едигей снова втайне подготовленным и внезапным набегом вторгся на Русь и осадил Москву. Взяв «окуп», он удалился. Но переход от покорности к сопротивлению стал уже совершившимся фактом. Неизбежность освобождения Руси от Золотой Орды стала ясна для обеих сторон.

Куликовская победа была подготовлена ростом культуры и патриотического самосознания и в свою очередь усилила то и другое.

Подъем русской культуры в последней четверти XIV и в начале XV века сказался во всех областях. Усиливаются культурные связи с Балканским полуостровом — с Константинополем, Болгарией, Сербией. Южнославянские произведения и переводы переносятся на Русь, на Руси делаются новые переводы с греческого, приезжают живописцы и писатели. В живописи конец XIV — начало XV века отмечены работами Феофана Грека, Андрея Рублева и Даниила Черного. Создаются замечательные храмы в Москве, Новгороде, Звенигороде, Серпухове. Эти храмы украшаются фресками и иконами, составляющими сейчас в своем очень незначительном дошедшем до нас количестве гордость русского

искусства. В области исторической мысли подъем отмечен созданием обширных московских летописных сводов. В литературе — это расцвет сложного панегирического стиля в произведениях Епифания Премудрого и приезжего книжника Пахомия Серба.

В эти годы мысль русских людей постоянно обращалась ко времени античности. Заметен интерес к литературе домонгольского периода — к «Повести временных лет», к «Слову о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона, к «Слову о полку Игореве», к первым откликам в литературе на события Батыева нашествия — «Слову о поги-

Похороны погибших

бели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Житию Александра Невского». В фольклоре в конце XIV—XV века формируется цикл русских былин о киевском князе — Владимире Красное Солнышко, ставшем как бы символом Руси. Создается замечательный цикл произведений, посвященных Куликовской битве: две летописные повести о Куликовской битве, знаменитая «Задонщина» и очень популярное в Древней Руси «Сказание о Мамаевом побоище».

«Задонщину» следует рассматривать не только как простое подражание «Слову о полку Игореве», но как бы своеобразный ответ на это произведение. Она исполнена идеей реванша за поражение Игоря Святославича на Каяле, поэтому многие из образов «Слова» имеют в «Задонщине» обратный смысл: то, что относилось в «Слове» к поражению русских, отнесено в «Задонщине» к поражению татар, то, что относилось к победе половцев, — отнесено к победе русских, солнечное затмение, провожавшее в поход русские войска в 1185 году, в 1380 году сменилось ярким сиянием солнца и т. д. «Задонщина», в свою очередь, повлияла своею образностью на «Сказание о Мамаевом побоище», озарила его своим поэтическим светом. Отдельные фрагменты поэтической системы «Слова о полку Игореве» сказываются и на том произведении, которое с очевидностью предшествовало и «Задонщине» и «Сказанию о Мамаевом побоище», — на краткой летописной повести о Донской битве¹.

Значение Куликовской битвы никогда не терялось в последующие века. Каждая новая победа над монголо-татарами вызывала новый подъем интереса к этому первому акту свержения чужеземного ига. Этот новый интерес возникает в конце XV века в связи со знаменитым «Стоянием на Угре» (1480 г.), когда монголо-татарское войско золотоордынского хана Ахмата не решилось напасть на войска Ивана III, и вековая дань России Золотой Орде перестала выплачиваться. Иван III бросил на землю и топтал ногой ханскую «басму» — знак, который хан вручал своим послан в удостоверение их полномочий.

Новый подъем интереса к Куликовской битве и к русской истории в целом вызвало в середине XVI века присоединение к Русскому государству Казанского и Астраханского царств.

Освобождение русского народа от чужеземного ига создало предпосылки для дружелюбного отношения между

¹ Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966.

народами, входившими в состав Русского государства. Татарская знать, приезжавшая на службу к русским князьям, сохраняла свои титулы и получала те же привилегии, что и русская. Многие русские знатные роды во все последующие века, вплоть до XX, гордились своим татарским происхождением. Татарские купцы свободно торговали по всей территории русской земли. Татарские воины служили в русских войсках.

После присоединения Казанского ханства русский книжник составляет «Казанскую историю» — историю Казани и ее присоединения, — в которой отдает дань уважения мужеству оборонявших Казань татар и с лирическим чувством пишет о горе казанской царицы Сююмбеки. Ни в это, ни в предшествующее время ненависть к чужеземному игу как таковому никогда не переходила в русской литературе в чувство расового или национального превосходства над любым из народов, входивших в государственное объединение Золотой Орды. Во всей древней русской литературе нельзя найти ни одного случая, при котором можно было заподозрить русского писателя в чувстве своего интеллектуального превосходства. «Повесть о Петре — царевиче ордынском», написанная в годы наибольшего иноземного гнета на Руси, повествует об ордынском царевиче Петре — основателе монастыря в Ростове. Один из потомков Петра предотвращает разгром Ростовской земли ордынским полководцем Ахмылом.

Куликовская победа явилась важнейшим поворотным пунктом не только в истории средневековой России, но и в ее культуре.